

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КАК КРИТЕРИЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ НА МЕСТНОМ УРОВНЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

С. В. ПРАСКОВА¹⁾

¹⁾Институт государственного права и национальной безопасности
Байкальского государственного университета, ул. Ленина, 11, 664003, г. Иркутск, Россия

После конституционной реформы 2020 г. в России вновь актуализировался вопрос об организации публичной власти на местном уровне. Но если ранее предметом дискуссий были преимущественно виды муниципальных образований и требования, предъявляемые к ним, то в настоящий момент вызывает сомнение целесообразность сохранения местного самоуправления в целом, ставится вопрос о его замене местным государственным управлением. В этом контексте предлагается подходить к выбору модели местного управления с использованием научных исследований всех особенностей конкретной территории. В качестве одного из критериев, свидетельствующих о возможности создания муниципального образования и определения его территории, предлагается использовать категорию социальной идентичности населения. Социальная идентичность определенного территориального коллектива, внешне выраженная прежде всего в уникальном самоназвании воображаемой общности, является первичным и обязательным признаком наличия местного сообщества. При отсутствии территориальной социальной идентичности не имеет смысла предоставлять возможность самоуправления, поскольку отсутствует сам субъект самоорганизации. При ее наличии следует изучать степень способности местного сообщества к самоуправлению, а также развивать эту способность. Для выявления социальной идентичности населения предлагается применять метод социологического опроса, а также использовать коэффициент интенсивности близости. Сделан вывод о том, что методологию выявления социальной идентичности следует разрабатывать отдельно.

Ключевые слова: местное самоуправление; местное управление; идентичность населения; территориальная организация.

SOCIAL IDENTITY OF THE POPULATION AS A CRITERION FOR THE ORGANISATION OF PUBLIC AUTHORITY AT THE LOCAL LEVEL IN THE RUSSIAN FEDERATION

S. V. PRASKOVA^a

^aInstitute of State Law and National Security,
Baikal State University, 11 Lenina Street, Irkutsk 664003, Russia

The author of the article notes that after the constitutional reform of 2020 in Russia the issue of the organisation of public authority at the local level became actual. Whereas previously there had been much debate about the types of municipalities and the requirements imposed on them, now the expediency of maintaining local self-government raises doubts and the question about its replacing by local government is posed. In this context, the author proposes to approach the choice of a model of local government on the basis of scientific research of all factors of a particular territory. It is proposed to use the social identity of the population as one of the criteria indicating the possibility of establishing the municipality and defining its territory. The author believes that the social identity of a certain territorial collective, externally expressed, first of all, in

Образец цитирования:

Праскова СВ. Социальная идентичность населения как критерий организации публичной власти на местном уровне в Российской Федерации. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2023;2:21–28. EDN: WQVMKA

For citation:

Praskova SV. Social identity of the population as a criterion for the organisation of public authority at the local level in the Russian Federation. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2023;2:21–28. Russian. EDN: WQVMKA

Автор:

Светлана Васильевна Праскова – кандидат юридических наук, доцент; директор.

Author:

Svetlana V. Praskova, PhD (law), docent; director.
savap@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4518-3659>

the unique self-name of the imaginary community, is the primary and obligatory sign of the presence of a local community. In the absence of a territorial social identity, it makes no sense grant self-government, as there is no self-organisation. Where available, the capacity of the local community for self-government should be examined and developed. To identify the social identity of the population, the author suggests to use the method of sociological survey, as well as the proximity efficiency factor. It is concluded that the methodology of social identity identification should be developed separately.

Keywords: local self-government; local government; identity of population; territorial organisation.

Введение

Вопросы организации публичной власти на местном уровне (местное управление или местное самоуправление, одно- или многоуровневая система управления, разграничение и перераспределение полномочий между уровнями и ветвями власти и т. д.) традиционно являются «вечными» не только для российской юриспруденции, но и для мировой науки в целом (см., например, [1]). Поиск оптимальной модели наиболее приближенного к населению уровня публичной власти не только не прекращается, но, напротив, становится все более и более интенсивным. Сравнительные исследования, посвященные вопросам территориальной организации местного самоуправления в различных государствах, показывают, что не существует не только универсальной модели, но даже сколько-нибудь единообразного подхода к организации публичной власти на местном уровне. И если для стран СНГ еще можно выделить какие-либо единые подходы, обусловленные преемственностью советского местного управления на основе административно-территориального устройства [2], то для государств, не имеющих единого прошлого, обобщение возможно лишь в рамках правовых семей, и то с изрядной долей оговорок об уникальности конкретной системы [3].

Разнородность подходов к определению критериев организации публичной власти на местном уровне объясняется многофакторностью этой проблемы. Если целью выбора модели публичной власти на местном уровне является формирование действительно эффективной системы управления на уровне местного сообщества¹, то необходимо учитывать совершенно разные по своей природе признаки. Первостепенное значение имеют объективные экономико-географические характеристики территории: расселение людей, демографическая ситуация, транспортная и инженерная инфраструктура и др. Не менее важны и особенности организации публичной власти в конкретном государстве: признание или отрицание прямой и представительной демократии и принципа разделения властей, характер функциональной дифференциации пуб-

лично-властных полномочий и др. Наконец, имеет значение и достаточно субъективное, но от этого не менее существенное отношение населения к местной власти, обусловленное историко-культурными предпосылками, а также степень вовлеченности граждан в процесс публичного управления, характер легитимации публичной власти в целом и конкретные ее представители, зачастую связанный с влиянием определенной личности как общегосударственного, так и локального масштаба. По этой причине модель местного самоуправления, положительно зарекомендовавшая себя на одной территории, может быть абсолютно неприменима на другой. И это правило действует как при анализе практик разных государств, так и при внутринациональном анализе.

В российской юридической науке и практике государственного управления вопрос организации публичной власти на местном уровне непрерывно обсуждается последние 30 лет. Этапы реформирования территориальной организации местного самоуправления в России за время существования современного государства подробно изучены и описаны в научной литературе на уровне диссертаций и монографических исследований [5; 6], однако после конституционной реформы 2020 г. этот вопрос приобрел дополнительную актуальность. Так, до существенного изменения текста Конституции Российской Федерации предметом дискуссий в юридической периодике были именно территориальные основы местного самоуправления (уровни и виды муниципальных образований, требования к ним), а непосредственно перед конституционной реформой стала рассматриваться тенденция укрупнения муниципальных образований путем создания муниципальных округов [7; 8]. Но после институционализации вхождения местного самоуправления в систему публичной власти России появились и более смелые идеи: о необходимости отказа от территориальной организации, основанной на советском районировании, и поиске новых подходов к определению территории муниципальных образований [9], о замене местного самоуправления той или иной

¹Заметим, что такие цели, как формирование местного самоуправления, основанного на инициативной самоорганизации населения, и приближение низового уровня власти к населению, могут быть сопутствующими, но они не должны подменять основную функцию местного уровня публичной власти – эффективное решение вопросов местного значения. Одновременно эффективность решения вопросов местного значения не должна оцениваться исключительно через призму «удешевления» системы управления, в том числе и за счет «эффекта масштаба», достигаемого путем укрупнения муниципального образования [4].

формой местного управления [10; 11], что фактически влечет возврат к императивно устанавливаемому административно-территориальному устройству и централизации власти².

Столь кардинальная смена направления научной дискуссии отражает неудовлетворенность российского общества существующей моделью организации местного самоуправления, порожденной вполне объективными факторами: безынициативностью и равнодушием населения в большей его части, финансовой необеспеченностью муниципальных образований, перегруженностью местного уровня несвойственными ему полномочиями и пр. Самостоятельность местного самоуправления и его отделенность от государства уже даже не декларируются, а вовлеченность органов местного самоуправления в осуществление единой государственной политики общепризнана и нормативно закреплена. Эта проблема назрела и требует своего разрешения.

Согласимся с В. А. Щепачевым в том, что западная система местного самоуправления, построенная социально активными людьми, осознающими свои права, лично свободными, готовыми нести ответственность за свои действия перед такими же людьми, оказалась нежизнеспособной в России. Российское общество всегда было обществом господства коллективного над личным, частным, индивидуальным [10, с. 35]. Одновременно вывод этого автора о том, что в России «как не было, так и нет социально активного населения» [10, с. 35], представляется не совсем верным. Безусловно, говорить о возможности полноценного инициативного самоуправления на всей огромной и очень неравномерно населенной территории Российской Федерации не приходится. Одновременно не следует игнорировать и положительную практику реализации местного самоуправления, которая является результатом политики по формированию навыков самоорганизации у местного сообщества, начиная с 1990-х гг.

По этой причине, на наш взгляд, не следует действовать радикально и менять тезис о том, что местное самоуправление должно осуществляться на каждой части территории России [13], на установку о том, что местное самоуправление является неэффективным и должно быть заменено местным управлением. Реализация такой установки возможна. Как советской, так

и современной мировой практикой подтверждено, что государство может осуществлять управление на всех уровнях публичной власти, включая местный. Только будет ли это благом для населения? Как справедливо указывает профессор Е. С. Шугрина, местное самоуправление не относится к числу естественных прав, хотя является одной из демократических ценностей [14, с. 3]. Отказ от этой ценности даже на тех территориях, где местное самоуправление осуществляется вполне успешно, вряд ли можно оправдать стремлением повысить эффективность управления. Впрочем, и формальное сохранение системы муниципальных образований, реально вписанных в вертикаль власти, представляется неоправданным.

В связи с этим автор предлагает руководствоваться концепцией о невозможности применения единообразного подхода к организации публичной власти на местном уровне для всей территории России. Необходим смешанный подход, при котором местное самоуправление должно признаваться правом местного сообщества, а не императивно навязываемой ему волей. Возможность самостоятельно, инициативно и ответственно решать вопросы местного значения должна быть предоставлена не жителям территории, границы которой определены государственной властью, а именно местному сообществу, способному эффективно осуществлять местное самоуправление. На остальной же части территории должно осуществляться местное государственное управление либо самоуправление в минимизированной (в части объема полномочий) форме.

При таком подходе краеугольным камнем для ответа на вопрос о том, где быть местному самоуправлению, становится выявление наличия или отсутствия местного сообщества и его способности к самоуправлению. А этот аспект, как правило, лежит за рамками юриспруденции.

Не имея возможности в рамках ограниченного объема научной статьи рассмотреть все особенности заявленной проблемы, автор считает необходимым остановиться на аспекте, который пока практически не известен науке российского муниципального права, – на определении социальной идентичности населения конкретной территории как критерия для выбора оптимальной модели организации публичной власти на местном уровне.

Материалы и методы исследования

В основу исследования положена методология, ранее разработанная автором по отношению к критериям территориальной организации публичной власти в целом [15].

Социальная идентичность является общенаучной философской категорией, которая используется пре-

имущественно в психологии (применительно к личности) и социологии (применительно к коллективной общности). В целом социальная идентичность личности понимается как результат соотнесения и отождествления человеком себя с социальными образами, группами, ролями. Социальная идентичность

²Справедливости ради заметим, что призывы к возврату системы местного управления и огосударствлению местного уровня публичной власти встречались и ранее. Так, В. И. Червонюк еще в 2017 г. предлагал изменить гл. 8 Конституции Российской Федерации, определив ее предметом «местное управление и самоуправление» [12, с. 8].

личности имеет сложную структуру и включает набор различных социальных образов, ролей, стандартов.

В случае с территориальной организацией публичной власти значение имеет не любая социальная идентичность, а лишь те ее проявления, которые соответствуют следующим критериям: групповому характеру идентичности, важности этой идентичности среди иных разновидностей социальной идентичности, количественному составу группы.

Таким образом, при решении вопросов территориального устройства подлежит выявлению и учету такая социальная идентичность, которая является доминирующей в иерархии групповых идентичностей для относительного большинства жителей той или иной территории и тем самым становится системообразующей идентичностью для воображаемой социальной общности³. Внешними проявлениями ее наличия выступают самоназвание и групповое самосознание, фиксирующие отличительные черты группы (русские, сибиряки, москвичи и т. д.).

Результаты и их обсуждение

Возможность самоуправления обеспечивается не статусом муниципального образования или организацией органов местного самоуправления, а наличием местного сообщества, когда большинство жителей муниципального образования идентифицируют себя в качестве членов местного сообщества, осознавая при этом круг вопросов, которые это сообщество стремится решать самостоятельно. Так, Н. Ф. Замченков отмечает, что община была и остается внутренним, а не внешним средством жизнеустройства на низшем уровне, общественной самоорганизацией и спасением от всех бед. Функции общины являются имманентными менталитету местного населения и воспринимаются им как продукт собственной жизнедеятельности [17, с. 131].

С точки зрения права категория местного сообщества является эфемерной и трудноопределимой в силу своего социологического характера. И хотя юристы, как правило, признают, что проживание населения на определенной территории само по себе не означает наличие местного сообщества [18], последнее остается для них предполагаемым фактором. Какого-либо инструментария для выявления готовности населения к осуществлению местного самоуправления в юриспруденции не существует. Более того, отсутствует и четкое представление о признаках местного сообщества, свидетельствующих о способности населения к самоорганизации.

Это вполне закономерно, поскольку праву свойственно оперировать формальными категориями,

Можно выделить следующие разновидности социальной идентичности, имеющие значение для территориального устройства: территориальную (топонимическую), религиозную (конфессиональную), этнокультурную, политико-институциональную идентичность.

Население муниципального образования должно иметь территориальную идентичность в некотором ее сочетании с политико-институциональной идентичностью, поскольку местное самоуправление подразумевает инициативную деятельность населения и его обособленность от иных форм публичной власти. Одновременно население муниципального образования может характеризоваться и этнокультурной или религиозной идентичностью, но эти разновидности социальной идентичности не должны быть определяющими.

Рассмотрим, каким образом этот понятийно-категориальный аппарат может быть использован применительно к организации публичной власти на местном уровне.

имеющими достаточно точные критерии выявления. Все попытки юристов определить природу местного сообщества основаны на том, что это население конкретной территории, отвечающее таким четким формальным признакам, как постоянное проживание, единые условия жизни, наделение властными полномочиями и т. д. [19, с. 43; 20, с. 120]. В то время как, на наш взгляд, местное сообщество – это качественное состояние локальной территориальной общности и определяться оно должно не столько внешними формализованными проявлениями, сколько оценкой внутреннего состояния. При этом качественной оценке подлежит не документ или институциональная структура, а воображаемая общность, состоящая из весьма условно связанных между собой единиц, каждая из которых обладает волей, сознанием и индивидуальными интересами (подчас весьма изменчивыми). Юридический инструментарий для решения этой задачи попросту непригоден.

Так, при решении вопросов территориальной организации публичной власти традиционно используется инструмент выявления согласия (несогласия) населения либо учета мнения населения. Безусловно, он эффективен при решении вопроса конкретного преобразования (объединения нескольких территориальных образований или, напротив, разделения одного, изменения статуса территориальной единицы, переноса границы и т. п.) и необходим с точки зрения демократических ценностей. Но касательно столь сложной задачи, как выявление наличия

³Понятие «воображаемое сообщество» применяется в социологии. Автор этого термина Б. Андерсон отличал воображаемую общность от реального сообщества, поскольку она не может основываться на повседневном общении ее участников лицом к лицу. Представители даже самой маленькой общности никогда не будут знать большинства своих «согруппников» (термин Б. Андерсона), не будут встречать их и даже не будут ничего о них слышать, но все же в воображении каждого будет жить образ их общности. Участники воображаемой общности удерживают в своем сознании ментальный образ своего сходства [16, с. 30–32].

(частичного наличия) или отсутствия групповой общности, осознающей себя относительно устойчивой, имеющей единые (или хотя бы однородные) интересы, стремящейся к их самостоятельному решению, формальных критериев недостаточно. Здесь требуется социологический инструментарий, способный выявить закономерности суждения группы путем анализа реакций индивидов.

Однако именно такой подход, на наш взгляд, необходим современному российскому обществу при решении вопроса об организации публичной власти на местном уровне. Помимо поверхностного рационального группового суждения по конкретному вопросу, ответ на который, как правило, исчерпывается вариантами «да» или «нет», требуется глубинное многофакторное исследование населения, имеющее целью выявление самого наличия сообщества, а также его способности к самоорганизации. Первым шагом в этом направлении может стать определение наличия или отсутствия социальной идентичности населения.

Именно однородная социальная идентичность позволяет говорить об устойчивой группе населения, а наличие в ней общепринятых правил и стереотипов поведения дает возможность осуществлять эффективное социальное управление. Более того, устойчивая социальная идентичность выступает необходимым условием для проявления любых форм самоуправления. Иначе говоря, способной к самоуправлению представляется только такая воображаемая общность, которая идентифицирует себя через принадлежность к определенной территории, что внешне выражается как минимум в самоназвании (например, через принадлежность к населенному пункту: иркутяне, красноярцы и т. п.).

Разумеется, наличие социальной идентичности населения еще не говорит о наличии местного сообщества, готового к самостоятельному и ответственному решению каких бы то ни было вопросов. Вполне устойчиво идентифицируемое, в том числе самоидентифицируемое, население относительно небольшого населенного пункта может быть совершенно инертным и не только неспособным к самоуправлению, но и не стремящимся к его осуществлению. Однако очень сложно представить себе такое местное сообщество, которое готово к самоорганизации, но при этом никак себя не идентифицирует и не имеет группового самоназвания.

Как представляется, территориальная социальная идентичность – это та минимальная предпосылка, при наличии которой имеет смысл говорить о местном самоуправлении. Если она отсутствует, любые попытки навязать населению ту или иную форму самоорганизации обречены на провал. Они

неизбежно переродятся в местное управление, основанное на командно-административной системе. Если же территориальная социальная идентичность имеет место, то необходимо проводить дальнейшие исследования для выявления готовности местного сообщества к самоуправлению, а также принимать меры к формированию его политико-институциональной идентичности. На наш взгляд, территориальная социальная идентичность населения конкретной территории – это та характеристика, при отсутствии которой необходимо однозначно минимизировать самоуправление.

В связи с этим появляется вполне закономерный вопрос: как определить, имеет ли население соответствующей территории социальную идентичность? Ответ на него может дать социология.

Категория территориальной идентичности далеко не нова для этой науки, она вполне активно используется как для проведения научных исследований, так и для повышения эффективности социального управления. Основным методом выявления любой социальной идентичности населения выступает метод социологического опроса. Для определения территориальной идентичности, как правило, гражданам предлагается ответить на вопросы о месте их рождения и проживания, чувствах к конкретной территориальной единице (публичному образованию), ее населению. К сожалению, автору удалось найти лишь разрозненные результаты таких исследований, но даже они весьма показательны. Согласно данным опроса жителей Владимирской области в 2020 г. близость к жителям своего населенного пункта ощущают 56,4 % опрошенных, к жителям региона – 26,9 %, к жителям всей России – 17,9 %, к жителям всей Земли – лишь 8,2 % опрошенных. Исследователи объясняют это высоким уровнем оседлости населения, значительная часть которого проживает на одной территории всю жизнь либо переезжает в рамках области [21, с. 28]. На наш взгляд, такая характеристика социальной идентичности населения свидетельствует о наличии предпосылок для осуществления самоуправления на местном уровне.

В рамках социологии имеется и более точный инструментарий. Так, для анализа социально-территориальной идентификации может использоваться коэффициент интенсивности близости, разработанный в типовой методике «социокультурный портрет региона» специалистами Центра изучения социокультурных изменений Института философии Российской академии наук и позволяющий выявить особенности территориальной сплоченности и близости⁴. По мнению социологов, данный коэффициент применяется в целях определения доли людей, готовых участвовать в развитии собственного региона,

⁴Этот коэффициент рассчитывается как отношение доли респондентов, отметивших наличие чувства близости, к доле населения, отметившего чувство отдаленности, по результатам опросов общественного мнения. Для получения этих результатов респондентам задавался следующий вопрос: «В какой мере Вы чувствуете с такими людьми свою близость или отдаленность (“свое – чужое”)?»

и характеризует население, не испытывающее враждебного отношения к территориальной общности, способное создать здоровую атмосферу в обществе и сформировать предпосылки для развития гражданского общества. По результатам использования коэффициента исследователями было определено, что к особенностям социально-территориальной идентификации населения Вологодской области относятся ярко выраженные поселенческая и региональная разновидности идентичности [22, с. 114].

Разумеется, эти способы оценки социальной идентичности требуют адаптации для выявления признаков наличия местного сообщества. В отличие от публичной власти государственной природы в основе местного самоуправления всегда лежит топонимическая принадлежность населения (наличие иных разновидностей групповой социальной идентичности лишь дополнительно сплачивает местное сообщество). Именно осознание себя земляками, понимание общности интересов в плане решения повседневных проблем и являются той внутренней точкой, на которой базируется самоорганизация населения и его стремление решать местные вопросы самостоятельно, не прибегая к вниманию тех властей, до которых, как известно, «высоко» и «далеко». Однако территориальная социальная идентичность является многогранной и, в отличие от религиозной или этнокультурной идентичности, допускает значительное количество вариантов идентификации

индивида. Так, в вышеприведенных примерах большинство граждан идентифицирует себя одновременно с жителями населенного пункта, региона, страны. Такая «матрешечная» идентификация не содержит внутреннего противоречия, но существенно усложняет задачу выявления качественного состояния локального территориального коллектива.

Однако, как представляется, специалисты-социологи вполне способны справиться с разработкой методики по определению социальной идентичности населения и иных признаков местного сообщества. Для этого необходима только оформленная политическая воля, которой, к сожалению, пока нет.

В рамках настоящего исследования автор может лишь призвать социологов-энтузиастов провести экспериментальное исследование, направленное на выявление социальной идентичности населения отдельных территорий, и соотнести его результаты с формальными показателями наличия местного сообщества (процент явки избирателей, активность населения в рамках инициативных проектов, количество инициатив, выдвинутых общественными организациями и индивидами, и т. п.). Вполне возможно, что между этими показателями есть корреляционная зависимость, поддающаяся количественному измерению. А для любого представителя публичной власти количественные показатели более убедительны, чем теоретическое утверждение.

Заключение

Завершая настоящее исследование, необходимо подчеркнуть, что его целью было лишь предложить возможное направление для дальнейшего исследования проблем создания эффективной модели публичной власти на местном уровне. Социальная идентичность не заменяет и не подменяет собой иные факторы, традиционно определяющие территорию, в границах которой формируется первичный уровень публичной власти, и основы ее осуществления. Транспортная и пешеходная доступность, категория населенного пункта и количественные характеристики его населения, наличие устойчивых взаимосвязей между населенными пунктами, характер производства и занятости населения, преобладающие на соответствующей территории, – все эти и другие фак-

торы, учитываемые при экономико-географическом районировании и при территориальной организации публичной власти, сохраняют свою значимость. Однако не менее важно учитывать и такую сложно определимую категорию, как качественное состояние территориального коллектива, его готовность и способность к самоорганизации либо, напротив, к отказу от нее. Игнорирование этого субъективного отношения социума к предлагаемой модели публичной власти на местном уровне способно поставить крест даже на самом экономически обоснованном и эффективно управляемом варианте. И определение социальной идентичности территориального коллектива, ее природы и степени устойчивости – лишь первый шаг в этом направлении.

Библиографические ссылки

1. Baldersheim H. *Reflections on 25 years of local government reforms in Europe* [Internet]. 2014 [cited 2023 July 1]. Available from: <https://www.duo.uio.no/handle/10852/43894>.
2. Шахновская ИВ. Территориальные основы организации местного самоуправления в государствах – членах СНГ. *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки*. 2021;14:122–125. DOI: 10.52928/2070-1632-2021-59-14-122-125.
3. Шахновская ИВ. Основы территориальной организации местного самоуправления в государствах континентального и англосаксонского права. *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки*. 2022;12:148–151. DOI: 10.5298/2070-1632-2022-62-12-148-151.

4. Девятова НС. Трансформация территориальной организации местного самоуправления в Иркутской области: по материалам круглого стола в рамках II Международного байкальского форума. *Baikal Research Journal*. 2022;13(3):[9]. DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(3).43.
5. Нарутто СВ, Шугрина ЕС. *Территориальная организация государственной власти и местного самоуправления*. Москва: Норма; 2019. 272 с.
6. Дементьев АН. *Территориальная организация местного самоуправления в Российской Федерации (1990–2018 годы)*. Москва: Норма; 2020. 230 с.
7. Батаев СВ. Общая характеристика и особенности вновь принятого вида муниципального образования – муниципальный округ. *Polish Journal of Science*. 2020;28(4):32–35.
8. Иннокентьев АА, Романова ОД. Перспективы образования муниципальных округов на территории Республики Саха (Якутия). *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Серия: Экономика. Социология. Культурология*. 2020;3:43–54. DOI: 10.25587/SVFU.2021.19.3.004.
9. Дементьев АН. Проблемы территориальной организации местного самоуправления как одного из уровней публичной власти. *Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки*. 2021;4:66–75. DOI: 10.22204/2587-8956-2021-106-04-66-75.
10. Щепачев ВА. Конституция Российской Федерации 2020 г.: местное самоуправление в единой системе публичной власти. *Конституционное и муниципальное право*. 2021;12:30–36.
11. Данько АА. Местное самоуправление как уровень единой публичной власти в Российской Федерации. *Конституционное и муниципальное право*. 2020;8:31–34.
12. Червонюк ВИ. Конструкция местного управления и местного самоуправления в Российской Федерации: постановка проблемы и конституционные механизмы ее решения. *Международный журнал конституционного и государственного права*. 2017;2:7–9.
13. Праскова СВ. К вопросу об обязательности осуществления местного самоуправления в федеральных территориях России. *Муниципальное имущество: экономика, право, управление*. 2020;4:17–21.
14. Шугрина ЕС. Проектируем будущее: что должно быть в основах государственной политики в сфере местного самоуправления. *Местное право*. 2020;3:3–16.
15. Праскова СВ. Социальная идентичность как критерий территориальной организации: постановка вопроса. *Академический юридический журнал*. 2015;4:4–13.
16. Андерсон Б. *Воображаемые сообщества*. Москва: Кучково поле; 2001. 288 с.
17. Земченков НФ. Гражданская община как орган непосредственного участия населения в местном самоуправлении. *Известия ТРТУ*. 2005;9:131.
18. Хлуднев ЕИ. Местное сообщество: сущность понятия и роль в осуществлении местного самоуправления. *Государственная власть и местное самоуправление*. 2020;12:29–32.
19. Бондарь НС. *Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России*. Москва: Норма; 2008. 592 с.
20. Сергеев АА. *Местное самоуправление в Российской Федерации: проблемы правового регулирования*. Москва: Проект; 2006. 432 с.
21. Каманин ИЕ, Соколова МВ. Социально-территориальная идентификация населения с регионом (на примере Владимирской области). *Ученые записки*. 2021;4:25–28.
22. Груздева МА. Социально-территориальная идентификация как фактор устойчивости территорий. *Экономика и управление в XXI веке: наука и практика*. 2017;4:113–117.

References

1. Baldersheim H. *Reflections on 25 years of local government reforms in Europe* [Internet]. 2014 [cited 2023 July 1]. Available from: <https://www.duo.uio.no/handle/10852/43894>.
2. Shakhnovskaya IV. Territorial basis of local self-government organisation in the CIS member states. *Herald of Polotsk State University. Series D. Economics and Law Sciences*. 2021;14:122–125. Russian. DOI: 10.529281/2070-1632-2021-59-14-122-125.
3. Shakhnovskaya IV. Bases of the territorial organisation of local self-government in states of continental and Anglo-Saxon law. *Herald of Polotsk state university. Series D. Economics and law sciences*. 2022;12:148–151. Russian. DOI: 10.5298/2070-1632-2022-62-12-148-151.
4. Devyatova NS. Transformation of territorial organisation of local self-governance in the Irkutsk region: based on the materials of the round table discussion within the framework of the II International Baikal forum. *Baikal Research Journal*. 2022;13(3):[9]. Russian. DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(3).43.
5. Narutto SV, Shugrina ES. *Territorial'naya organizatsiya gosudarstvennoi vlasti i mestnogo samoupravleniya* [Territorial organisation of state power and local self-government]. Moscow: Norma; 2019. 272 p. Russian.
6. Demytyev AN. *Territorial'naya organizatsiya mestnogo samoupravleniya v Rossiiskoi Federatsii (1990–2018 gody)* [Territorial organisation of local self-government in the Russian Federation]. Moscow: Norma; 2020. 230 p. Russian.
7. Bataev SV. General characteristics and features of the newly adopted type of municipality-municipal district. *Polish Journal of Science*. 2020;28(4):32–35. Russian.
8. Innokentyev AA, Romanova OD. Prospects for establishing municipal districts in the Sakha Republic (Yakutia). *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series Economics. Sociology. Culturology*. 2020;3:43–54. Russian. DOI: 10.25587/SVFU.2021.19.3.004.
9. Demytyev AN. Problems of territorial organisation of local self-government as one of the levels of public power. *Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and Social Sciences*. 2021;4:66–75. Russian. DOI: 10.22204/2587-8956-2021-106-04-66-75.
10. Schepachev VA. The Constitution of the Russian Federation 2020: local self-government in the unified public government system. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 2021;12:30–36. Russian.

11. Danko AA. Local self-government as a level of single public government in the Russian Federation. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 2020;8:31–34. Russian.

12. Chervonyuk VI. The construction of local governance and local self-government in the Russian Federation: formulation of problem and constitutional solution mechanisms. *International Journal of Constitutional and State Law*. 2017;2:7–9. Russian.

13. Praskova SV. [On the obligatory character of local self-government in federal territories of Russia]. *Munitsipal'noe imushchestvo: ekonomika, pravo, upravlenie*. 2020;4:17–21. Russian.

14. Shugrina ES. Projecting the future: what should be in the foundations of state policy in the field of local self-government. *Mestnoe pravo*. 2020;3:3–16. Russian.

15. Praskova SV. [Social identity as a criterion of territorial organisation: formulation of the issue]. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal*. 2015;4:4–13. Russian.

16. Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva* [Imaginary communities]. Moscow: Kuchkovo pole; 2001. 288 p. Russian.

17. Zemchenkov NF. [Civil community as a body of direct participation of the population in local self-government]. *Izvestiya Taganrogskego radiotekhnicheskogo universiteta*. 2005;9:131. Russian.

18. Khludnev EI. [Local community: the essence of the concept and role in local self-government]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*. 2020;12:29–32. Russian.

19. Bondar' NS. *Mestnoe samoupravlenie i konstitutsionnoe pravosudie: konstitutsionalizatsiya munitsipal'noi demokratii v Rossii* [Local self-government and constitutional justice: constitutionalisation of municipal democracy in Russia]. Moscow: Norma; 2008. 592 p. Russian.

20. Sergeev AA. *Mestnoe samoupravlenie v Rossiiskoi Federatsii: problemy pravovogo regulirovaniya* [Local self-government in the Russian Federation: problems of legal regulation]. Moscow: Prospekt; 2006. 432 p. Russian.

21. Kamanin IE, Sokolova MV. [Socio-territorial identification of the population with the region (on the example of the Vladimir region)]. *Uchenye zapiski*. 2021;4:25–28. Russian.

22. Gruzdeva MA. Socio-territorial identification as a factor of sustainability of territories. *Ekonomika i upravlenie v XXI veke: nauka i praktika*. 2017;4:113–117. Russian.

Статья поступила в редколлегию 06.07.2023.
Received by editorial board 06.07.2023.